

Лучшее будущее

ЯМАЙКА — КАСКАРИЛЛА ГАРДЕНС
КАЙМАНОВЫ ОСТРОВА —
БОЛЬШОЙ КАЙМАН

Позднее лето 1753 года

Глава 1

— Собственно говоря, нам не следовало бы поддерживать это...

Леди Люсиль Хорнби-Уоррингтон с недовольным видом смотрела из своего ландо наружу, на летний солнечный день. При этом смотреть-то особо было не на что — дороги между плантациями Холлистеров и Фортнэмов были покрыты пылью, и их с обеих сторон обрамляли поля сахарного тростника. Похожие на камыш травянистые растения достигали высоты шести метров, и дороги были скорее похожи на просеки, недавно прорубленные сквозь пышную зелень. Таким образом, леди волей-неволей приходилось скучать. Однако лорд Уоррингтон, ее супруг, в отличие от нее с гораздо большим интересом отмечал про себя высоту и толщину растений. В конце концов, процветание плантации, которой он управлял по поручению дяди своей жены, тоже основывалось на сахарном тростнике, а в этом году все предвещало очень хороший урожай. Посему настроение Уоррингтона, судя по его виду, было намного лучше, чем у его супруги.

— Ты не можешь так говорить, — невозмутимо и даже слегка насмешливо оборвал он леди Хорнби-Уоррингтон. — Пропустить праздник у Фортнэмов только потому, что тебе не нравится повод, по которому его устраивают? Разреши напомнить тебе, что у Норы и Дуга лучшая повариха в округе и самый красивый танцевальный зал, и они всегда нанимают самых талантливых музыкантов! А девочка у них просто очаровательная.

— Эта девочка — полукровка! — напомнила его супруга, поморщившись. — Мулатка. Ее нужно держать в поселении для рабов. Нельзя же воспитывать ее как наследницу и устраивать грандиозный праздник по поводу ее совершеннолетия! Однако Дуг Фортнэм делает вид, будто он причастен к зачатию этого ублюдка и это главное достижение в его жизни!

Уоррингтон улыбнулся. Специалистом по черным рабыням был скорее лорд Холлистер — дядя Люсиль. Правда, и Люсиль, и ее тетя смотрели на это сквозь пальцы, несмотря на то что несколько дюжин троюродных братьев и сестер его супруги все же населяли плантацию Холлистера. Даже их кучер Джими имел определенное сходство с хозяином плантации, который несколько лет назад удалился от дел, уехав в Кингстон, в свой городской дом. Управление плантацией он поручил супругу Люсиль, после того как удочерил эту молодую женщину, происходившую из бедной семьи чиновника Хорнби, жившего в Лондоне. Со своей супругой у лорда Холлистера детей не было. Зато у Дуга и Норы Фортнэм, кроме сегодняшней дебютантки, было два младших сына.

— Неужели эта девочка действительно внебрачная дочь Норы? — спросил лорд Уоррингтон.

Он до сих пор не совсем понимал отношения, которые связывали обитателей соседней плантации Каскарилла Гарденс, хотя, между прочим, уже пять лет прожил здесь вместе с Люсиль. Однако Фортнэмы не поддерживали слишком тесных контактов со своими соседями. Они были вежливы со всеми и время от времени приглашали соседей к себе на праздники,

однако дружбы ни с кем не искали. Другие плантаторы также сторонились хозяев Каскарилла Гарденс. Дуг и Нора имели обыкновение весьма своеобразно обходиться со своими чернокожими рабочими на плантации. Хотя у них и были рабы, как у всех плантаторов на Ямайке, Фортнэмы почти не нанимали белых надсмотрщиков, давали своим черным рабам выходные дни чаще, чем другие рабовладельцы, и делали ставку на своего рода самоуправление под руководством чернокожего старшего рабочего.

Глядя на это, соседи поначалу ожидали катастрофы. В конце концов, всем было известно, что чернокожие ленивы и нередко склонны к насилию, если не держать их под строгим контролем. Однако, несмотря на своеобразный стиль руководства, Каскарилла Гарденс процветала. И действительно, эта плантация входила в число самых богатых на Ямайке. За это время многие плантаторы стали завидовать Дугу Фортнэму. Уже хотя бы потому, что он экономил на надсмотрщиках! Но все же никому из соседей и в голову не приходило перенять эту модель для собственной плантации.

Леди Уоррингтон резко выдохнула воздух.

— Тем хуже! — заявила она.

В отличие от мужа, она очень хорошо помнила подробности.

— Ну да, миссис Нора не виновата в том, что ее похитили и... и один из похитителей, очевидно, применил насилие по отношению к ней. Но именно поэтому... Кто же захочет иметь рядом с собой этот... плод такого несчастья?

Уоррингтон пожал плечами. Ему тоже казалось странным, что Дуг Фортнэм не только женился на Норе, в конце концов освобожденной после нескольких лет, проведенных в плену у беглых рабов, но даже удочерил ее ребенка, который был зачат от одного из бунтовщиков. Саму же девочку он считал довольно симпатичной. Наверное, в детстве она была очень милой. Дуг, очевидно, просто не решился разлучить мать и дочь. У этого мужчины было слишком доброе сердце, и соседи

в округе Кингстона уже давно пришли к единому мнению: когда-нибудь он поплатится за чересчур снисходительное отношение к чернокожим...

Ландо миновало плантацию Холлистеров. Несколько рабов высаживали сахарный тростник. Мужчины почти не поднимали голов, и Уоррингтон с удовольствием отметил это. В конце концов, эти парни тут не для того, чтобы ротозейничать и глазеть по сторонам. Уоррингтон кивнул надсмотрщику, выражая одобрение. Крепкий шотландец сидел на лошади, держа ружье и плеть наготове и иногда пуская их в ход. Этот человек хорошо выполнял свою работу, и, казалось, одного его присутствия было достаточно, чтобы внушать черным смертельный страх. К тому же он явно не одобрял песнопений! Некоторые надзиратели считали, что урожай будет более высоким, если рабы будут махать своими ножами-мачете в такт своим же песням. Из Каскарилла Гарденс иногда тоже доносилось пение. Однако Уоррингтон этого не понимал. Он любил покой — хотя бы потому, что его супруга говорила слишком много. Сейчас она, однако, молчала с недовольным видом. Казалось, леди Люсиль все еще жалела, что согласилась принять участие в этом празднике, и пребывала в состоянии между недовольством и любопытством.

Однако затем тишина все же была нарушена. Когда карета Уоррингтонов пересекла границу плантации Каскарилла Гарденс, на одной из боковых дорог раздались быстрые удары копыт и послышался чей-то громкий смех. Кучер Джимми резко остановил лошадей. Возмущенная леди Люсиль напустилась на него — она едва не упала с сиденья.

Уоррингтон отнесся к случившемуся гораздо спокойнее. Если бы кучер не затормозил так резко, ему вряд ли удалось бы избежать столкновения с двумя всадниками, чьи лошади проскочили через дорогу как раз перед ними. Изящная белая лошадь, на которой сидела девушка в дамском седле, как раз обогнала другого коня, который был намного крупнее. Молодой человек, отчаянно подгонявший своего коня, на ходу

прокричал извинения, обращаясь к Уоррингтонам. Белая лошадь между тем скрылась из виду.

Уоррингтон фыркнул.

— Это молодой Кинсли, — пробормотал он.

— И дочь-полукровка Фортнэмов, — желчно добавила Люсиль. — Какой скандал! Я же говорила... Мы не должны это поощрять.

Уоррингтон пожал плечами.

— И тем не менее мы будем наслаждаться этим вечером, — успокоил он жену. — Ну, а теперь езжай, Джимми! Чтобы избавиться от испуга, мне понадобится добрый глоток рома из сахарного тростника. Или ромового пунша.

О рецепте пунша, приготовляемого поварихой Фортнэмов, ходили легенды, и у Уоррингтона при воспоминании об этом напитке потекли слюнки. Дочь Фортнэмов действительно радовала глаз, даже когда скакала галопом на лошади. Без сомнения, еще приятнее будет понаблюдать за ней позже, во время танцев. Уоррингтон спросил себя, не будет ли он выглядеть глупо, если пригласит девушку на менюэт...

— Разве я вам не говорила? Аллегрия резвее, чем ваш гнедой жеребец. Пусть даже его предки были скаковыми лошадьми. Аллегрия восточных кровей, она внучка Дарли Арабиана...

Деирдре Фортнэм сразу же заговорила со своим спутником, как только они заставили лошадей перейти на шаг после пересечения финиша — места, где дорога переходила в вымощенный камнем подъезд к Каскарилла Гарденс. Маленькая белая кобыла выиграла импровизированные скачки с большим преимуществом.

Квентин Кинсли, долговязый рыжеволосый спутник Деирдре, слегка искривил рот. Ему было трудно смириться со своим поражением.

— При этом, однако, играет роль и то, что вашей лошади приходится нести на себе не большую тяжесть, — парировал он. — Потому что вы, мисс Фортнэм, вряд ли весите больше,